

Vladimir SOMOV

Vladimir Lublinsky and his Lecture Course «History of the World» at the Leningrad State Conservatory (1936–1939)

Владимир СОМОВ

Владимир Сергеевич Люблинский и его курс «Всеобщая история» в Ленинградской государственной консерватории (1936–1939 гг.)

Консерватория всегда привлекала в ряды своих сотрудников не только выдающихся музыкантов, но и педагогов других специальностей, ярких представителей российской интеллигенции [15]. Одним из них был Владимир Сергеевич Люблинский (1903–1968), замечательный историк, книговед, ученый с мировым именем, труды которого посвящены западноевропейской культуре — типографскому искусству в Средние века и наследию Вольтера¹.

Основная часть творческого пути Люблинского прошла в Государственной Публичной библиотеке (ГПБ) имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне — Российская национальная библиотека), где он работал и в годы войны. Пианистка Мария Вениаминовна Юдина, которая

Vladimir S. Lublinsky (1903–1968) was a historian, whose research concerned Western European culture, in particular book printing in the Middle Ages and Voltaire's work. One of the leading fellows of the State Public Library, he simultaneously taught at the Leningrad Conservatory, where he lectured on the topic «History of the World» (from 1936 to 1939). During the Great Patriotic War and the siege of Leningrad, Lublinsky participated in the defense of the city. He enjoyed many years of friendship with the pianist Maria V. Yudina.

This article focuses on Lublinsky's academic career and considers his teaching activities using the shorthand transcripts of his lectures, as well as other documents from his personal archives, as a basis.

Keywords: V. S. Lublinsky, Leningrad Conservatory, History of the World, shorthand transcripts, State Public Library, siege of Leningrad, M. V. Yudina.

Владимир Сергеевич Люблинский (1903–1968) — историк, труды которого были посвящены западноевропейской культуре: типографскому искусству в Средние века и творчеству Вольтера. Являясь одним из ведущих сотрудников Государственной Публичной библиотеки, он одновременно преподавал в Ленинградской консерватории, где читал курс лекций «Всеобщая история» (с 1936 по 1939 гг.). Во время Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда Люблинский участвовал в обороне города. Многолетняя дружба связывала его с пианисткой Марией Вениаминовной Юдиной.

В статье рассказывается о творческом пути Люблинского и на основе стенограмм его лекций, а также других документов из личного архива, рассматривается педагогическая деятельность ученого.

Ключевые слова: В. С. Люблинский, Ленинградская консерватория, всеобщая история, стенограммы лекций, Государственная Публичная библиотека, блокада Ленинграда, М. В. Юдина.

выступала в осажденном городе, вспоминала: «В середине лета 43 года мне выпало счастье лететь одной на работу в Ленинградское Радио и для лекций в „оставшейся консерватории“ сперва на два месяца, потом срок был продлен еще на два. В это-то время, в блокаде, „в новом качестве“ защитника Ленинграда в комплексе ПВО² я встретила старинного товарища по университету — Владимира Сергеевича Люблинского» [21, с. 85].

Они познакомились еще в юности, когда Владимир Сергеевич был студентом исторического отделения факультета общественных наук Петроградского университета, а Мария Вениаминовна, как вольнослушательница, посещала занятия, по ее словам: «на отделении истории средних веков — медиевистики — у драгоцен-

¹ Автор благодарит за ценные советы Л. А. Миллер, М. В. Михееву, Т. З. Сквирскую (СПбГК), профессора, доктора исторических наук Л. И. Киселеву, А. Н. Цветкову (Санкт-Петербург), Е. А. Ляховицкого (зав. Лабораторией кодикологических исследований и научно-технической экспертизы документов ОР РНБ).

² Комплекс Противовоздушной обороны. Здесь и далее в цитатах сохранена авторская орфография и пунктуация.

Владимир Сергеевич Люблинский. 1930-е годы.
Частное собрание

ных наших учителей Ивана Михайловича Гревса, Ольги Антоновны Добиаш-Рождественской и Льва Платоновича Карсавина, где и блистали тогда среди нашей небольшой группы медиевистов Владимир Сергеевич Люблинский и его будущая супруга Александра Дмитриевна Люблинская (тогда Шура Стефанович). <...> О, что это были за люди — и учителя и ученики! ... То был поистине „цвет человечества“! Бескорыстие, трудолюбие, ответственность, активная доброта, сила мысли ... О „карьере“ не помышлял никто, все было подлинным, из чистого металла, без „подделок“...» [21, с. 85–86].

В. С. Люблинский (Нахимович) родился в январе 1903 года в петербургской купеческой семье еврейского происхождения. Его мать была родом из Будапешта. С детства Владимир свободно владел немецким и французским языками, на которых было принято говорить дома. В 1913 году он поступил в знаменитую петербургскую гимназию Карла Мая, где среди его друзей были известные впоследствии люди — художники Николай Александрович Бенуа и Святослав Николаевич Рерих,

историк Павел Павлович Щёголев и др. В юности он увлекался историей, искусствами, особенно музыкой, писал стихи и прозу (в т. ч. на французском языке). После революции предприятие отца (землеустроительная компания на Охте) было экспроприровано. Владимир был вынужден рано зарабатывать себе на жизнь. В 1919 году он поступил в Петроградский университет, где сосредоточился на изучении западноевропейского Средневековья. По окончании университета он преподавал историю в школе, а именно в бывшей «стоюнинской» гимназии. Здесь он познакомился с внуком М. Н. Стоюниной, сыном философа Н. О. Лосского, Владимиром Николаевичем (впоследствии французским историком церкви и богословом). Дружеские отношения с этой семьей Люблинский сохранил на всю жизнь. 16 ноября 1922 года он провожал «философский» пароход «Preussen», на котором Лосские, в числе других высланных российских ученых и мыслителей, отправлялись в изгнание. Эти проводы юноша запечатлел в своем дневнике как одно из важнейших событий: «Уходящий Preussen был свидетелем первых биений моего горящего и горячей кровью среди черной реки отчаяния обливающегося сердца»³. В том же 1922 году Владимир Сергеевич был принят на работу в Публичную библиотеку и вскоре стал одним из ее ведущих сотрудников. В 1925 году он женился (венчался по православному обряду) на Александре Дмитриевне Стефанович (1902–1980), дочери Д. Ф. Стефановича, священника и профессора церковного права, настоятеля собора Св. Исаакия Далматского. А. Д. Люблинская также стала видным ученым, преподавала в Ленинградском государственном университете (возглавляла кафедру истории Средних веков), затем работала в Академии наук. Они оба — из-за своего происхождения, своих взглядов и своих научных интересов — перенесли немало жизненных испытаний и преследований со стороны властей. В конце 1920-х Владимир Сергеевич был дважды арестован, сперва по обвинению в антисоветской агитации, затем как участник «Кружка медиевистов», входившего в сеть философских кружков «Воскресенье» («Дело А. А. Мейера»), которые посещали многие из его коллег по Публичной библиотеке, друзей и знакомых — И. М. Гревс, О. А. Добиаш-Рождественская, А. Д. Люблинская, Л. В. Пумпянский, М. В. Юдина и др. [5, с. 77–90; 6, с. 113–201; 7; 16, с. 88; 25].

В консерватории с 1936 по 1939 Люблинский читал лекции по «Всеобщей истории». Этот курс был введен в музыкальном вузе, скорее всего, как ответ на требование советских властей. Дело в том, что в конце 1920-х — начале 1930-х годов фактически было упразднено преподавание истории в средней школе, закрыты исторические факультеты университетов. Но вскоре власти осознали необходимость руководить изучением истории. В мае 1934 года вышло Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», которое говорило о недопустимости игнорирования исторического образования. В том же 1934 году в Московском, Ленинградском, а затем во многих других университетах и педагогических институтах страны открылись исторические факультеты.

Неизвестно, кто пригласил Люблинского в консерваторию, но это не было случайностью. Классическая музыка явля-

³ Архив Европейского университета. Фонд Л-4 (В. С. Люблинский). Обработка фонда не завершена. Автор благодарит директора архива Г. Г. Лисицыну за возможность ознакомиться с этими материалами.

лась неотъемлемой частью его существования, она постоянно звучала в его доме (программы радио, записи на пластинках огромной домашней фонотеки). Владимир Сергеевич был усердным посетителем Ленинградской филармонии, он соприкасался с музыкальным миром и в профессиональной деятельности (консультации по фондам ГПБ, лекции в театре и т. д.). С 1936 года Люблинский занимал должность преподавателя, затем педагога (1937 г.), а с 1938 — доцента консерватории⁴. Его лекции были посвящены Античности, Средневековью и раннему Новому времени⁵ и предназначались для музыковедов, студентов историко-теоретического факультета первого года обучения. Об их содержании можно судить по стенограммам 1937/1938 учебного года, сохранившимся в личном архиве ученого и в библиотеке консерватории (часть курса, посвященная «Эпохе феодализма»).

О ритме педагогической работы историка свидетельствует его записная книжка того времени («Академический календарь-справочник на 1937 г.»): «3³⁰ Консерватория» (2 января), «Лекции для переписки» (28 января), «2 ч. Консультация по Возрождению» (15 апреля), «3 ч. Консультация по XV в.» (21 апреля), «Экз. в Конс.» (29 сентября), «8³⁰ Консультация в ЛГК» (20 ноября) и т. д. Видимо, к консерватории также относятся повторяющиеся записи «Совет ф-та», «Консультация», «Зачеты», «Лекция». Здесь встречаются фамилии первокурсников 1937/1938 учебного года, сдававших экзамены и зачеты отдельно от группы, — А. А. Хрущёвой и Т. В. Антоновой⁶. В конце книжки имеются консерваторские номера телефонов: декана историко-теоретического факультета С. Н. Богдавленского, режиссера, профессора В. Н. Соловьева, студентов первого курса М. В. Барштак и В. Я. Трайнина⁷, бухгалтерии и учебной канцелярии. Запись от 19 сентября — «Конс. Касса. Сдача стеногр. Декан» — свидетельствует о работе со стенограммами.

Кампания по стенографированию, которая проходила тогда в консерватории, была рассчитана, в первую очередь, на подготовку учебных пособий, и не в последнюю, на контроль за преподавателями [3, с. 277]. По рабочим листам стенограмм, сохранившимся в личном архиве Люблинского, можно представить, как готовились эти учебники. Каждый лист был заверен стенографисткой и машинисткой, затем преподаватель вносил необходимую правку, после чего лекции снова перепечатывались в нескольких экземплярах и передавались в читальный зал библиотеки. Правка касалась в основном стиля, орфографии, иногда возникали дополнения. Любопытны, в этом отношении, две лекции, посвященные Английской революции. Владимир Сергеевич начинает править эти стенограммы сам, затем все пометы сделаны другим почерком. В нем легко узнать руку его жены Александры Дмитриевны, которая как раз тогда увлеклась изучением XVII столетия, эпохи ставшей основным предметом ее исследований [2]. Вполне вероятно, что она помогала мужу не только в правке стенограммы, но и в составлении этих двух лекций — они отличаются характерной для нее манерой

Александра Дмитриевна Люблинская.
Начало 1960-х годов. Частное собрание

изложения (четкостью построения, строгостью стиля).

Раздел «Эпоха феодализма» курса «Всеобщая история» включал 18 лекций. Занятия проходили раз в шесть дней, в соответствии с установленной тогда в СССР «шестидневкой». Первое, зафиксированное стенограммой, состоялось 28 декабря 1937 года и было посвящено Германскому завоеванию Римской империи. До этого (вероятно, с начала учебного года), Люблинский читал лекции по истории Античности, на которые теперь регулярно ссылался. Особые лекции рассматривали такие большие темы как «Распад империи Карла Великого», «Крестовые походы», «Рост городов» и т. д. В других говорилось об Англии, Франции, Германии, Италии, Испании, Византии и т. д. По два занятия отводилось на эпоху Возрождения и на Английскую революцию XVII века. Последняя лекция (28 мая 1938 г.) была посвящена «Разложению феодальной идеологии»,

⁴ См.: Архив СПбГК. Д. 153. Л. 4; Д. 171. Л. 82; ОР РНБ. Ф. 1268. № 33. Л. 8–11. В 1936 г. консерваторская зарплата В. С. Люблинского составляла 96 рублей в месяц, в 1937 г. — 108 рублей 35 копеек в месяц; в 1938 г. его почасовая оплата составляла 10 рублей.

⁵ См. об этом: Автобиографии В. С. Люблинского. ОР РНБ. Ф. 1268. № 217. Л. 2, 4, 5 об., 12.

⁶ Хрущёва Александра Александровна (р. 1912), Антонова Татьяна Владимировна (р. 1912).

⁷ Мария Владимировна Барштак (р. 1916), Трайнин Владимир (Вениамин) Яковлевич (р. 1898). О В. Я. Трайнине см.: [14].

т. е. культуре эпохе Просвещения. Осведомленность преподавателя в европейской истории была не только книжной, в детстве он неоднократно бывал у своих родственников в Австро-Венгрии, путешествовал по Швейцарии, Италии [6, с. 166]. На его занятиях студенты знакомились как с политической, социально-экономической историей Европы, так и с историей культуры, типографским делом, искусством гравюры, они получали представления об инструментарии исторического исследования — источниковедении, текстологии, кодикологии и т. д. Его лекционный курс, без всякого преувеличения, можно назвать интердисциплинарным.

Разумеется, Люблинский строит свой курс в соответствии с марксистской концепцией. Рассказывая о смене общественных формаций, он постоянно говорит о классовом характере общественных отношений, опираясь на труды Маркса и Энгельса. Соблюдая необходимый ритуал, цитирует Сталина, реже Ленина. В некоторых лекциях подобных ссылок очень мало, иногда они отсутствуют совсем. Отдавая дань новой идеологии, Владимир Сергеевич, видимо, не всегда руководствуется лишь конъюнктурными соображениями, многие историки его поколения были искренне увлечены марксизмом и ярким тому примером служит Александра Дмитриевна Люблинская [9]. Но в трудах этих ученых, выросших под влиянием традиционных солидных университетских дисциплин, типологически «формационный» подход сочетался с тонким знанием источников [1, с. 113]. Уроки, полученные от выдающихся русских историков, своих учителей, профессионализм, приобретенный за время работы с рукописями и книгами Публичной библиотеки, Люблинский стремится передать и будущим музыковедам. Практически в каждой лекции, он говорит о необходимости изучения источников, часто цитирует эти тексты. Он призывает студентов читать «побольше самих документов»⁸. Рассказывая о древних германцах, обращается к сочинениям Цезаря и Тацита. Ссылается на «варварские правды», т. е. законы отдельных племен⁹. Упоминает «многочисленные данные фольклора и литературы, так как хорошо сохранился древне-германский эпос». Констатирует наличие «богатых и четких» археологических данных¹⁰. Говоря о походах норманнов, он замечает: «Совсем недалеко от Ленинграда, в пределах достижимых даже для нашей экскурсии, которую, надеюсь, удастся весной или летом устроить, находятся прекрасно сохранившиеся, и производящие совершенно исключительное впечатление руины крупного центра начала XI века, Старой Ладоги — основной ключевой крепости, защищавшей

все пути по Волхову»¹¹. Неизвестно, состоялась ли эта экскурсия, но ее упоминание отнюдь не случайно. Владимир Сергеевич был особенно заинтересован в просветительской работе, готовил себя к ней, слушая в университете лекции И. М. Гревса, одного из основателей экскурсионного дела в России, общаясь с известным краеведом Н. П. Анциферовым. По инициативе Люблинского в Публичной библиотеке было открыто Экскурсионное бюро [5, с. 79; 6, с. 168].

Разумеется, он знакомил с фондами библиотеки и своих студентов. Здесь была проведена экскурсия по Отделу рукописей¹² и состоялись два занятия посвященные эпохе Возрождения в «Кабинете Фауста», т. е. в Отделении инкунабулов, альдов и эльзевиров, которое он тогда возглавлял. Известна стенограмма лишь одной из этих лекций (№ 13 от 21 апреля 1938 г.). Она особенно интересна, так как история книги являлась предметом самостоятельных исследований Владимира Сергеевича, и эта стенограмма, больше чем другие, отразила его индивидуальность, сохранила живые интонации. По отдельным упоминаниями в ее тексте можно заключить, что ранее уже говорилось об инкунабулах (первопечатных изданиях): «После того, как вы в прошлый раз познакомились с успехами печати в XV в., вас уже не удивит, что после появления книг, монастырям приходилось перестраивать свои библиотеки и не хватало места в тех немногих шкафах, которые вполне удовлетворяли прежде при наличии только рукописных книг»¹³. Теперь Люблинский снова говорил об античном наследии, снова показывал инкунабулы, а также рассказывал об итальянских и немецких гуманистах, о движении Реформации, изданиях XVI и XVII веков, набросав основные черты развития типографского искусства в Западной Европе.

Ставя вопрос, «что же действительно было внесено нового эпохой Возрождения?», он предупреждает: «Не нужно себе представлять, что античная культура была совершенно погребена под обломками варварских нашествий или полностью вытравлена официальным учением христианской церкви, как нечто языческое. На самом деле переживания этой античной культуры были довольно сильны, хотя иногда до неузнаваемости изуродованы». В качестве примера, он приводит «сочинения Аристотеля, занимавшие почтенное место в библиотеках монастырей и университетов»¹⁴.

Люблинский поясняет, что в Средние века «сильна была тяга к мелким обобщающим произведениям, обобщающим изданиям» и показывает одно из них — «так называемый „Клад“ или вернее „Сокровище“ на

⁸ НИОР СПбГК. № 8492 (Лекция 7). Л. 22 об.

⁹ НИОР СПбГК. № 8486 (Лекция 1). Л. 13 об.

¹⁰ Там же. Л. 12 об.

¹¹ НИОР СПбГК. № 8488 (Лекция 3). Л. 32.

¹² Там же. Л. 5.

¹³ ОР РНБ. Ф. 1268. № 466 (Лекция 13). Л. 2.

¹⁴ Там же. Л. 2 об. – 3.

южно-французском провансальском языке <...> Бруннето Латини. Последний был учителем Данте, как о том свидетельствует и титульный лист вот этого издания „Сокровища“, выпущенного в свет уже в XVI веке»¹⁵. Упомянув Данте, он цитирует «Божественную комедию», те стихи, в которых говорится о встрече с Вергилием и заключает: «Все читатели современники лучше, чем мы с вами понимали, о ком здесь идет речь. Ведь Вергилий нигде себя не называет, он дает о себе только несколько косвенных характеристик»¹⁶. В стенограмму Владимир Сергеевич вписывает от руки отрывки из части «Ад. Песнь 1. Стихи 61–75» в переводе Михаила Леонидовича Лозинского, своего бывшего коллеги по Публичной библиотеке. Этот перевод вышел из печати в том же 1938 году и можно полагать, что Люблинский читал его еще до публикации [10].

Рассказывая о ранних гуманистах, Люблинский знакомит студентов с основными требованиями критики источников: «Они именно в этой своей филологической работе по выяснению лучших текстов, по установлению верных правил грамматики, проделали огромный труд критического порядка и научились отличать подлинное от ложного, определять фальсификации, вставки позднейших переписчиков и писателей, а это одним из последствий имело то, что подобную критику применили и к некоторым документам, на которых основывалось господство римской церкви»¹⁷. Он подчеркивает экономический момент в развитии типографского дела: «Очень многие типографщики как раз прерывали свою карьеру с выпуском первой или второй своей книги. Почему? Да прежде всего потому, что приходилось большие деньги тратить на закупку бумаги»¹⁸. Затем он показывает издания одного из тех, кто добился успеха — Альда Мануция — «венецианского типографа, который специализировался на выпуске античных авторов и был окружен гуманистами, специально для него подготовлявшими редакции лучших текстов. Альд создал греческий шрифт, создал курсив, он обеспечил окончательную победу маленького формата, создал книжку легкую, удобную, относительно недорогую, весьма изящную какой-то тонкой книжной красотой»¹⁹.

О важности изучения читательских помет Люблинский говорит на примере издания Горация: «По этим комментариям мы видим, насколько хорошо эти читатели были знакомы с самим содержанием поэзии Гора-

ция и с обстановкой римской жизни его эпохи»²⁰. Показывая «громоздкий том» комедий Плавта, он обращает внимание на особенности переплета и отмечает исторический парадокс: «книга, как Вы видите, переплетена в старинную рукопись. <...> В то же самое время, когда гуманисты рыщут по монастырям и архивам и улавливают старые тексты, в то же время, когда указанные авторы усиленно комментировали Плавта, в эти самые годы переплетчики (нуждавшиеся в неисчислимо большем количестве кожи, нежели прежде, когда существовал лишь единственный экземпляр каждой рукописи) на подклейку переплетов истребляли великое множество древних рукописей»²¹.

Люблинский подробно рассказывает о книжных иллюстрациях и способах их печати, о гравюре. Он показывает издание Витрувия, осуществленное в XVII веке голландской фирмой Эльзевир: «Вот этот титульный лист выполнен в совершенно иной технике. Такого сочетания света и тени, такого множества переходов от ярко освещенных мест до более глубокого тона, вместе с тем такой тонкости в выражении лиц, в складках на одеждах, на дереве достигнуть в то время было невозможно. Это достигалось только путем гравирования на меди»²².

Насколько возможно в его кратком, к тому же ограниченном идеологическими рамками, курсе, он сопоставляет точки зрения разных ученых, разных исторических школ. «Нужно вообще уяснить себе противоречивый характер использования исторических источников <...> историки разного толка пытаются по-разному освещать одни и те же моменты»²³. «В каждой из этих теорий есть известная доля истины», — говорит он в лекции, посвященной росту городов²⁴. Иногда, в качестве дополнительного чтения, он указывает книги русских и зарубежных историков (в переводе). Однако дополнительная литература была интересна лишь увлеченным историей студентам, тогда как обязательный список невелик. В нем то, что имелось в консерваторской библиотеке: Большая советская энциклопедия, труды К. Маркса и Фр. Энгельса, старая «Книга для чтения по истории Средних веков» под редакцией П. Г. Виноградова (1898–1903) и, только что вышедшая в свет, «Хрестоматия по истории средних веков» С. Д. Сказкина и Н. П. Грацианского (1938). Преподаватель сам подготовил для студентов машинописные конспекты учебника Р. Ю. Виппера²⁵ и публикаций советского историка В. В. Бирюковича о сословной монархии во Франции²⁶.

¹⁵ Там же. Л. 3 об. – 4.

¹⁶ Там же. Л. 4 об.

¹⁷ Там же. Л. 6.

¹⁸ Там же. Л. 7 об.

¹⁹ Там же. Л. 8.

²⁰ Там же. Л. 11.

²¹ Там же. Л. 11 об.

²² Там же. Л. 15.

²³ ОР РНБ. Ф. 1268. № 468 (Лекция 16). Л. 14.

²⁴ ОР РНБ. Ф. 1268. № 461 (Лекция 6). Л. 15.

²⁵ НИОР СПбГК. № 8484, 8485.

Люблинский стремится сделать свои лекции доступными первокурсникам консерватории, облегчить им усвоение множества фактов и событий. Как правило, во вступлении он дает план своего рассказа. Он приучает студентов пользоваться географическими картами, регулярно напоминает факты из Античности, сопоставляет события в разных странах. Нередко в курсе европейской истории встречаются отсылки к истории отечественной, возможно, лучше знакомой студентам. Рассказывая о германских рыцарских орденах, преподаватель напоминает о «знаменитой битве при Чудском озере 1242 года»²⁷. Говоря о просветительских реформах австрийского императора Иосифа II, он обращается к правлению Екатерины II: «А еще за двадцать лет до этого, на еще более далекой окраине — в Петербурге провозглашаются с высоты трона принципы, умиляющие даже французских вольнодумов, хотя они и остаются далекими от претворения в жизнь»²⁸. Рассказывая о Вольтере, рукописи и личная библиотека которого стали предметом его собственных исследований, Люблинский констатирует великую роль наследия философа: «Он насаждает то самое вольномыслие, то самое вольтерьянство, которое становится характерной чертой передовой знати, фрондирующего дворянства даже в России. Вплоть до декабристов»²⁹.

Самым естественным методическим приемом была апелляция к профессиональным интересам слушателей. И здесь Владимир Сергеевич с его увлеченностью музыкой мог найти со студентами общий язык. Уже в первой лекции он утверждает: эпоха феодализма «особенно важна и специально Вам, как музыковедам, ибо в ее недрах складывается та музыкальная культура, на фоне которой вырастает вся музыка вплоть до музыки современной»³⁰. В последней лекции он замечает: «Вам, как музыковедам, ясно, почему можно особенно выделять идеологию XVIII века — ибо именно здесь, как Вы знаете, лежит подлинное начало всей современной системы музыкальной идеологии и в этом смысле смена XVII и XVIII веков означает, конечно, очень важный рубеж»³¹. Он всегда старается опереться на фигуры хорошо знакомые музыкантам: Боэция, папы римского Григория I Великого. Напоминает, что реформы императора Иосифа II осуществлены «в моцартовские годы»³².

В лекциях о прошлом Европы часто отражаются актуальные события. С одной стороны, это методический прием, позволяющий заинтересовать студентов, с дру-

гой необходимый или вынужденный отклик на политическую жизнь в стране и в мире. Рассказывая о саксонском вожде Видукинде, Люблинский говорит: «По своеобразному курьезу истории, нынешние германские фашисты, как вы знаете, придя к власти, пробовали взамен существующих в Германии церковных организаций выдвинуть некую „исконно германскую религию“ в форме саксонских верований времен Видукинды как наиболее неприкрытой чисто языческой и чисто германской религии»³³.

Современность напоминает о себе даже на экскурсии в «Кабинете Фауста». Показывая «Декады» Тита Ливия — «огромный том с тесной печатью», Люблинский говорит о Никколо Макиавели, который, по его словам, «был не только замечательным деятелем и пламенным патриотом, но и историком, написавшим замечательную историю своего города — Флоренции, выпустившим ряд сочинений по военному делу и, кроме того, обстоятельно комментировавший римскую историю Тита Ливия»³⁴. Назвав Макиавели выдающимся гуманистом, он вынужден сделать оговорку: «Именно отсутствие принципиальности, именно коварство и путь интриг мы связываем сейчас с именем Макиавелли. Но такова уже диалектика истории, что на Макиавелли сейчас могут опираться не патриоты, а наоборот, враги своей родины, не люди добивающиеся блага для своего народа, а враги народа. Как вы знаете это, между прочим, обнаружилось и в одном из недавних процессов»³⁵. Экскурсия состоялась в апреле 1938 года, вскоре после того как в Москве прошел публичный суд над так называемым «антисоветским право-троцкистским блоком». Преподаватель и студенты, не могли не вспомнить об этих «недавних процессах» и на лекции, посвященной Английской революции, где речь шла об одном «из основных законов дальнейшего политического английского строя, так называемый „хабеас корпус акт“. <...> По этому закону никто не может быть арестован без предъявления ему обвинения, исходящего из суда; и если кто-нибудь королевскими чиновниками арестовывается без этого, то он имеет право не подчиняться. Практически это означает, что любой человек имеет право добиваться от власти, чтобы его не позже чем через сутки с момента ареста представили суду, если же суд не происходил, не позже чем через сутки его освободили»³⁶. Вряд ли эти слова были случайны в лекции, прочитанной в мае 1938 года.

²⁶ НИОР СПбГК. № 8496, 8498.

²⁷ НИОР СПбГК. № 8489 (Лекция 5). Л. 15 об.

²⁸ НИОР СПбГК. № 8495 (Лекция 18). Л. 15 об. – 16.

²⁹ Там же. Л. 23 об.

³⁰ НИОР СПбГК. № 8486 (Лекция 1). Л. 2–2 об.

³¹ НИОР СПбГК. № 8495 (Лекция 18). Л. 27.

³² Там же. Л. 15 об.

³³ НИОР СПбГК. № 8487 (Лекция 2). Л. 24.

³⁴ ОР РНБ. Ф. 1268. № 466 (Лекция 13). Л. 9.

³⁵ Там же. Л. 10–11.

³⁶ ОР РНБ. Ф. 1268. № 469 (Лекция 17). Л. 34.

Люблинский преподавал в консерватории до 1939 года, когда курс «Всеобщей истории» был отменен³⁷. Всю войну он провел в Ленинграде. Будучи мобилизован, но оставлен в городе по состоянию здоровья, он работал в штабе Местной противовоздушной обороны Куйбышевского района (помощник начальника штаба, затем инспектор боевой подготовки жилой системы). С июля 1943 года он был назначен начальником штаба МПВО ГПБ, а весной 1944 на несколько месяцев призван в Красную Армию: участвовал в боях на Ленинградском фронте в качестве химинструктора [5, с. 83–84]. В его дневнике, воспоминаниях и письмах можно найти яркие свидетельства о днях блокады: о снабжении продуктами, о ценах на черном рынке, о медицинском обслуживании, о гибели людей от обстрелов, о смертности от голода и болезней. Он был хорошо информирован, так как по долгу службы составлял рапорты и отчеты, организовывал группы самозащиты, сам участвовал в дежурствах, тушении пожаров, в обходах домов, спасении бесхозных библиотек.

Представляя довоенный Ленинград как «цитадель культуры с бастионами: Публичная библиотека — Филармония — Эрмитаж — Университет», Люблинский описывает свою жизнь в осажденном городе «среди таких вещей, как кровавое месиво, еще не застывшее после попадания снаряда в очередь, когда тут же по соседству другие очереди и не думают шелохнуться в злом отупении голодного отчаяния 1941 года. Невский, пустой и пустынный ночами и такой фантастичный, как не снился ни Гоголю, ни Достоевскому» [11, с. 168–169]. Он вспоминает блокадную зиму 1941–1942 годов, когда «по улицам плелись дрожащие и гнусавящие, закопченные и отекавшие, страшные тени, не обращавшие внимания на валяющиеся через каждые 2–3 квартала трупы или замерзающих дистрофиков, на тянувшиеся по всем направлениям детские саночки с запеленутыми мумиями покойников и на возы и грузовики доверху набитые ими, а на кладбищах многие сотни работавших не успевали хоронить многие тысячи жертв истощения»³⁸.

В письмах к жене, находящейся в эвакуации, Владимир Сергеевич не только фиксирует события как очевидец, но как ученый размышляет о происходящем: «Идет такая титаническая борьба, которой не знавала история. Ты как историк понимаешь это. На сей раз это не кажется нам (как всегда бывает, если борьба близко тебя касается), а так и есть на самом деле. А героика, конечно, менее всего парадна — она именно в страданиях народа; эстетики тут мало, как в любом страдании, но величия бесконечно много. И каждый из нас должен быть на голову выше самого себя» (6 декабря 1941) [12, с. 219]. Свидетельства о трагической повседневности

сосредоточены с рассказами о неугасающей культурной жизни города, поэтических вечерах Веры Инбер, Ольги Берггольц, Анны Ахматовой, киносеансах, концертах классической музыки.

Запись в дневнике, сделанная 22 марта 1942 года, в начале первой блокадной весны, связана с впечатлением от музыки Чайковского: «Увлекаюсь на улице — красота, восторг, из рупора финал 5-ой симфонии Чайковского — впервые очень признанной, радость смерти в такой хороший момент» [11, с. 164].

Подобно всем ленинградцам Владимир Сергеевич ждет, как великого исторического события, исполнения Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича, хотя и не является безусловным поклонником творчества композитора. Ему даже удается попасть на репетицию: «Вчера я неожиданно и случайно смог получить от судьбы полную компенсацию за нескладно использованный выходной день накануне: утром я присутствовал в Радиокomitee на первой репетиции оркестра (что и само по себе интересно) и, при том, при разучивании I части Седьмой симфонии Шостаковича. А очень неплохая эта часть, построенная на двух крайне простых, но мощно жизнеутрачивающих темах!» (4 августа 1942 г.) [11, с. 181]. На премьере³⁹ он не был, несмотря на то, что стремился попасть: «В самую последнюю минуту все же сорвался мой поход в Филармонию на первое исполнение 7-ой симфонии Шостаковича, на что я даже обеспечил себе пропуск, не успев достать полностью расхваченных билетов. Думал, что хоть по радио в тишине дежурства прослушаю, но не тут-то было, пришлось заполнять аттестационные листы, т. е. непрерывно опрашивать и разговаривать. На репетициях я средних частей не слышал. Впечатление все же очень приятное, но не потрясающее. Кажется, что при всей классической ясности и простоте основной МУЗЫКАЛЬНОЙ мысли (болтовня о программности, конечно, абсолютно нарочита и несерьезна), симфония несвободна от некоторой чрезмерной примитивности (она вся построена буквально на 2½ мотивах) — и, как следствие этого, от известного многословия (в моих устах упрек серьезный!). Но ты поймешь меня, что более всего я был огорчен не с музыкальной, а с писательской стороны. У меня хватит терпения дожидаться следующих исполнений, назначенных на 15 и 16-ое: но мне было бы бесконечно любопытно присутствовать на премьере, как на событии, увидеть нынешний «цвет общества», запомнить момент; ведь в любом серьезном романе о Лениграде эпохи блокады этот вечер должен был бы найти место в цепи таких дат, как начало войны, как последние дни перед началом осады, как дым первых бомбежек, вечер с речью Сталина октябрьской годовщины; 26 декабря, когда впервые увеличили хлебный

³⁷ См. об этом: Автобиография В. С. Люблинского. ОР РНБ. Ф. 1268. № 217. Л. 4.

³⁸ Письмо В. С. Люблинского к Е. Д. Стефанович от 2 февраля 1943 г. (частное собрание). Елена Дмитриевна Стефанович (1905–1994) — сотрудница Публичной библиотеки, сестра А. Д. Люблинской [14].

³⁹ Исполнение Седьмой симфонии в Ленинграде состоялось 9 августа 1942 года в Большом зале филармонии.

паек, 8-ое марта, когда был субботник по очистке улиц» (10 августа 1942 г.) [11, с. 188, 199].

Хотя с консерваторией Люблинский больше формально не связан, он не забывает о ней. Так 4 января 1943 года в дневнике появляется запись о неожиданной встрече: «управхоз—инженер <...> с взглядом и внешностью одного моего консерваторского студента» [11, с. 167].

В феврале 1943 года, вскоре после прорыва блокады, произошла встреча Владимира Сергеевича с М. В. Юдиной [4, с. 571–572]. Поводом послужила продуктовая посылка, привезенная пианисткой из Москвы⁴⁰. Тогда же Люблинский присутствовал на ее концерте в Большом зале филармонии и был потрясен ее игрой [20, с. 228]. Эта встреча, первая спустя многие годы, положила начало многолетней близкой дружбе. Их переписка, энциклопедическая по масштабу и многообразию тем, насчитывает сотни писем. Здесь идет речь о повседневности, денежных проблемах (они оба занимались переводами, зарабатывая на жизнь), множестве общих знакомых, путешествиях, книгах, театре, кино, художественных выставках. В диалогах о музыке Владимир Сергеевич был также достойным собеседником пианистки. Она же, зная о его увлечении творчеством Бетховена, в своих ленинградских концертах всегда посвящала часть программы именно Бетховену [16–25].

В 1944 году Люблинский участвует в экспертизе «автографа» Бетховена, оказавшегося на самом деле факсимильной копией, о чем он предупреждает А. В. Оссовского:

«Глубокоуважаемый Александр Вячеславович!

Случайно узнав, что Вы заинтересовались листком с началом *As-dur*-ной сонаты Бетховена, спешу — на случай, если бы владелец его, потерпев фиаско в Публичной библиотеке, стал его предлагать Вам или каким либо музыковедческим учреждениям — предупредить Вас, что будучи на днях привлеченным к экспертизе этого листка, я установил, что он представляет собою факсимиле, причем все члены нашей экспертной комиссии согласились разделить эту точку зрения. Уже после этого удалось установить, с какой именно рукописи это факсимиле выполнено: зав. нотным отделом ГПБ В. М. Крумина⁴¹ показала нам описание автографа части данной сонаты, найденного в 1878 г. и приобретенного б. Королевской Библиотекой, описание это приведено под № 234 на 41 стр. издания „Katalog der ... Ausstellung von Handschriften, Briefen, Bildnissen, Reliquien Ludwig van Beethoven. Bonn, 1890“. В этой рукописи как раз отмечено исправление цифры опуса с 25 на 26 — красным

карандашом. Я не имел досуга хоть сколько-нибудь посмотреть те издания, посвященные Бетховену, в которых даны воспроизведения его автографов, но не сомневаюсь, что найти соответствующую книгу не потребует особого труда. Так как полиграфическое оформление факсимиле — отличное, то отнюдь не исключена возможность, что неизвестный мне продавец — отнюдь не мистификатор, а невинная жертва чьей-либо мистификации, а следовательно, не решится дальше предлагать свой товар. Но на всякий случай я счел своим долгом Вас предостеречь.

Всегда готовый к услугам, искренне Вас уважающий
Влад[имир] Люблинский.
Ленинград, 19 августа 1944»⁴².

После войны Люблинский возглавил Отдел редкой книги ГПБ. Он был искренне увлечен популяризацией исторической науки, преподаванием, стремился иметь учеников. За консерваторским опытом, последовала работа в Академии художеств (Институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина), где в течение нескольких лет (1944–1949) он также читал курс «Всеобщей истории». Однако, после того как в 1949 году, в период кампании по «борьбе с космополитизмом», он был уволен из Библиотеки, ему пришлось уйти также из Академии художеств [5, с. 86–88; 6, с. 197–199; 13]. В драматический момент своей жизни, 14 августа 1952 года, он составил записку озаглавленную «На всякий случай», которая заканчивалась словами: «Перед всеми тяжело сознавать, что сделал вообще и для каждого слишком мало. Но простил всем, — кроме негодяев, разрушивших научную работу Библиотеки и тем нанесших ущерб советской науке, — даже трусам, лишившим меня учеников»⁴³.

Несколько лет ученый оставался без постоянной работы. Только с наступлением политической оттепели в 1957 году он получил новую должность — директора Лаборатории консервации и реставрации документов Академии наук СССР. Здесь он с увлечением трудился до конца своих дней.

Внезапная смерть Владимира Сергеевича в феврале 1968 года стала тяжелым потрясением для близких ему людей. Прощание состоялась в главном здании Академии наук на Университетской набережной. В зале звучала музыка — Моцарт, Бетховен, Прокофьев... На рояле играла, почти непрерывно, Мария Вениаминовна Юдина.

Наталья Васильевна Варбанец⁴⁴, одна из присутствовавших на траурной церемонии, вспоминала: «12 февраля Мария — всё в своем черном концертном платье — на подиуме у рояля и еще до прибытия гроба

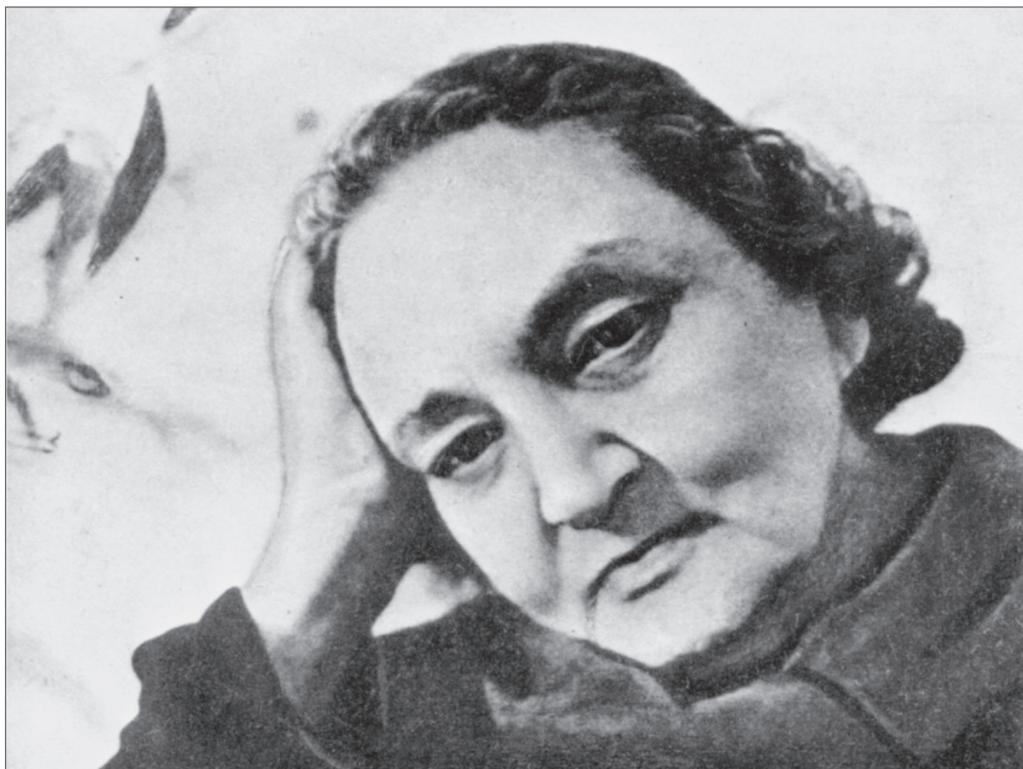
⁴⁰ Письмо А. Д. Люблинской к Е. Д. Стефанович от 12 апреля 1943 г. (частное собрание).

⁴¹ Крумина Вильгельмина (Валентина) Марковна (1896–1981) — и. о. заведующего Отдела нот ГПБ. См. о ней: [14].

⁴² КР РИИИ Ф. 22. Оп. 1. № 114. Л. 1–1 об.

⁴³ См.: Архив Европейского университета. Фонд Л-4 (В. С. Люблинский). Обработка фонда не завершена.

⁴⁴ Н. В. Варбанец (1916–1987) — ученица В. С. Люблинского, сотрудница ГПБ. Близкий друг М. В. Юдиной. В 1937–1938 работала в библиотеке ЛГК. См.: [13, 14].

Мария Вениаминовна Юдина.
1950-е годы [20]

словно в задумчивости перебирает клавиши, а затем встречает его торжественными аккордами, придавая этим высокий смысл тягостной предпохоронной суе. И с этого момента до того часа, когда в зале остались лишь те, кто хотел проститься с усопшим, она безмолвно и почти неподвижно подчинилась чередованию музыки и речей» [4, с. 579].

Месяц спустя, 12 марта 1968 года, пианистка посвятила памяти друга свой концерт в Москве, в зале имени Чайковского, и объявила об этом публике, вопреки существовавшему запрету. Программа концерта была составлена еще раньше. По словам Марии Вениаминовны, она «как нельзя более подходила к концерту траурному, по вкусам Владимира Сергеевича, и Просветленному Переживанию Смерти» [21, с. 194]. В нее входили: 33 вариации Бетховена, Соната № 2 Шостаковича, которая была исполнена Юдиной еще во время войны в присутствии Люблинского. «Но главное в этой программе — „Орфей“ Стравинского, впервые в мире — на фортепиано» [21, с. 195].

Все знавшие Владимира Сергеевича были удивлены разнообразием его интересов и увлечений, он был поистине энциклопедистом, и в этом смысле верным последователем традиций эпохи Просвещения, которая была предметом его исследований: «Активный, всегда активный интеллигент-просветитель», — сказала о нем М. В. Юдина. По ее словам, «Владимир Сергеевич

постоянно бывал учителем в своем человеческом поведении, в своих — не столь часто совпадающих с гражданской образованностью и профессиональной ученостью — личных высоких качествах доброты, полнейшей незлобивости и неправдоподобной скромности» [21, с. 159]. Еще раньше, во время войны, она писала о «бесконечной интеллектуальной привлекательности и загадочной магнетичности» Люблинского [18, с. 655]. Другие современники свидетельствовали о его «неповторимой интонации», «афористической и неподражаемо иронической манере» разговора [1, с. 123]. Им запомнилась «какая-то спокойная, ненавязчивая, (точно сама собой разумеющаяся как дыхание) эрудиция, которой он с готовностью делился» [8, с. 135]. Он говорил ярко и убедительно⁴⁵.

Творческий путь В. С. Люблинского был не прост. Хотя его блестящие исследования еще при жизни получили международное признание, многие его труды увидели свет только посмертно, подготовленные к печати близкими людьми. О заслугах ученого свидетельствует то, что спустя полвека после его кончины, в 2018 году Российская национальная библиотека провела посвященную его памяти научную конференцию, в которой, наряду с отечественными, участвовали исследователи из Швейцарии, Испании и Франции. На этой встрече было впервые рассказано и о его педагогической работе в Ленинградской государственной консерватории.

⁴⁵ Автор благодарит П. Р. Заборова (ИРЛИ РАН), поделившегося своими воспоминаниями о В. С. Люблинском.

Литература:

1. Баткин Л. М. Начинаящий медиевист из провинции — в гостях у Люблинских // *Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской национальной библиотеки* / под ред. Л. И. Киселевой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 109–127.
2. Бернадская Е. В., Киселева Л. И., Малинин Ю. П., Сомов В. А. Александра Дмитриевна Люблинская (1902–1980) // *Средние века*. 1983. № 46. С. 291–323.
3. Брагинская Н. А. Материалы к биографии С. Н. Богоявленского (Из петербургских архивов) // Сергей Николаевич Богоявленский. К 100-летию со дня рождения. Статьи. Материалы и документы. Воспоминания / ред.-сост. Н. И. Дегтярева, Н. А. Брагинская. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2006. С. 247–279.
4. Варбанец Н. В. Orus 111 // Мария Юдина. Нереальность зла. Переписка 1964–1966 гг. / сост. А. М. Кузнецов. М.: РОССПЭН, 2010. С. 570–579.
5. Вахтина П. Л. В. С. Люблинский в Публичной библиотеке // *Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской национальной библиотеки* / под ред. Л. И. Киселевой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 77–90.
6. Вольфцун Л. Б. От корбийского скриптория до века Просвещения: Из истории изучения западноевропейской культуры в России. СПб.: Феникс, 2008. 248 с.
7. «Дело А. А. Мейера» / публ. И. Флиге и А. Даниэля // *Звезда*. 2006. № 11. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=646> (дата обращения: 28.04.2020).
8. Козырева М. Л. Владимир Сергеевич Люблинский // *Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской национальной библиотеки* / под ред. Л. И. Киселевой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 135–136.
9. Лебедева Г. Е., Якубский В. А. А. Д. Люблинская и кафедра истории средних веков ЛГУ 1940–1950-х гг. // *Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени*. 2003. № 4. С. 9–26.
10. Литературный современник. 1938. № 3. С. 96–111; № 4. С. 67–81.
11. Люблинский В. С. Блокадные дневники. Воспоминания. Стихи. Письма / подготовка текста, вступ. ст. П. Л. Вахтиной и Л. Б. Вольфцун // *В память ушедших и во славу живущих* / ред. Ц. И. Грин. СПб.: Российская национальная библиотека, 1995. С. 147–210.
12. Люблинский В. С. Письма к А. Д. Люблинской / публ. П. Л. Вахтиной // *Публичная библиотека в годы войны. 1941–1945: Дневники, воспоминания, письма, документы* / отв. ред. А. Н. Маслова. СПб.: Российская национальная библиотека, 2005. С. 208–285.
13. Рубинчик О. Das Ewig-Weibliche в советском аду (Из жизни петербургско-ленинградской интеллигенции: Анна Ахматова и Наталья Варбанец в 1930-е и другие годы) // *Наше наследие*. 2004. № 71. URL: <http://nasledie-rus.ru/podshivka/7112.php> (дата обращения: 28.04.2020).
14. Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры. Биографический словарь. Т. 1–4. URL: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php? (дата обращения: 28.04.2020).
15. Энциклопедический словарь. Санкт-Петербургская консерватория. URL: <http://es.conservatory.ru/esweb/> (дата обращения: 28.04.2020).
16. Юдина М. В. В искусстве радостно быть вместе. Переписка 1959–1961 гг. / сост. А. М. Кузнецов. М.: РОССПЭН, 2009. 814 с.
17. Юдина М. В. Высокий стойкий дух: Переписка 1918–1945 гг. / сост. А. М. Кузнецов. М.; СПб.: РОССПЭН, 2006. 564 с.
18. Юдина М. В. Дух дышит где хочет: Переписка 1962–1963 гг. / сост. А. М. Кузнецов. М.: РОССПЭН, 2010. 854 с.
19. Юдина М. В. Жизнь полна смысла: Переписка 1956–1959 гг. / сост. А. М. Кузнецов. М.: РОССПЭН, 2008. 598 с.
20. Юдина М. В. Лучи божественной любви: Литературное наследие / сост. А. М. Кузнецов. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. 815 с.
21. Юдина М. В. Нереальность зла: Переписка 1964–1966 гг. / сост. А. М. Кузнецов. М.: РОССПЭН, 2010. 675 с.
22. Юдина М. В. Обреченная абстракции, символике и бесплотности музыки: Переписка 1946–1955 гг. / сост. А. М. Кузнецов. М.: РОССПЭН, 2008. 590 с.
23. Юдина М. В. Перед лицом Вечности: Переписка 1967–1970 гг. / сост. А. М. Кузнецов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 591 с.
24. Юдина М. В. Письма к В. С. Люблинскому. 1956–1961 / публ., вступ. ст. и прим. А. М. Кузнецова // *Звезда*. 1999. № 9. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/1999/9/pisma-k-v-s-lyublinskomu-1956-1961.html> (дата обращения: 28.04.2020).